

Несмотря на то, что взгляд Хэ Сы был острым как нож, истрёпанная книга продолжала стоять гордо и непреклонно, даже осмелилась увеличить слова «занять денег» в несколько раз, словно бросая вызов его терпению!

— Эх, ты, истрёпанная книга! Видно, надо дать тебе понять, что твой мужчина... нет, хозяин — богач несметный, состояние которого не измерить!

Хэ Сы изящно поправил манжеты и громко позвал:

— Чжао...

Не успев договорить, он увидел, как Чжао Цзинчжун мгновенно возник у стола. Прежде чем Хэ Сы открыл рот, тот уже стоял на коленях со сложенными в приветствии руками, лицо его выражало крайнюю тревогу, словно перед лицом великой беды:

— Господин Наместник! Министр финансов... просит аудиенции.

Сегодня был день полумесячного отдыха. Учитывая, что чиновники нынешней династии предпочитают любыми способами избегать дворцовых собраний, а если уж приходится — то опаздывать, а не приходить рано, разве не должны они в такое время держаться от императорского города подальше?

Хэ Сы на мгновение опешил, собрался уже пригласить министра финансов, но слова застряли на языке, и он вдруг спросил:

— Зачем он пришёл?

Лицо Чжао Цзинчжуна стало ещё мрачнее:

— ...Денег просит.

Хэ Сы:

— Что?

Под недоуменным взглядом Хэ Сы Чжао медленно вымолвил:

— Прежде старый глава Палаты, дабы отремонтировать зал следственной палаты и выдать премии подчинённым, взял из министерства финансов сумму под предлогом закупки железа. До сих пор... не вернул.

Хэ Сы с пониманием кивнул и равнодушно бросил:

— Подумаешь, дело! Возьми из казны да отдай.

Чжао Цзинчжун молчал.

В сердце Хэ Сы шевельнулось дурное предчувствие.

Чжао сглотнул, и его загорелое до черноты лицо исказилось от муки:

— Денег нет.

Хэ Сы:

— ???

Когда Хэ Сы увидел бухгалтерскую книгу, которую Чжао Цзинчжун выковырял из-под плитки под его же столом, то понял: Чжао не шутил...

Лицо его потемнело, едва он взглянул на месяцы убытков, убытков и снова убытков. Какое там «нет денег» — тут сплошная долговая яма!

Чжао, видя, как у Хэ Сы белеет лицо и сбивается дыхание, стремительно рванулся вперёд, выхватил заранее припасённый веер и принялся усердно обмахивать наместника:

— Господин Наместник, успокойтесь! Сохраняйте хладнокровие! Поберегите здоровье!

Да как тут успокоиться?! Хэ Сы в ярости опрокинул стол. Теперь понятно, почему приёмный отец сбежал, прихватив драгоценности и наложницу! Старый негодяй несколько лет вёл дела на народные, кровные деньги — и всё в убыток! Вложился в рисовые поля — случилась засуха да нашествие саранчи; вложился в чай — три месяца лили дожди, и чайные кусты погнили; вложился в шёлк — караван угодил в руки разбойников, нитки не осталось!

Государство, уже доведённое до ручки прежними императорами, только-только начало подниматься — а этот старый черепаший сын утянул в пропасть половину достигнутого. Хэ Сы теперь смотрел на этот «подъём» без иллюзий: быть может, то была всего лишь предсмертная агония.

Он и сам чувствовал, что близок к агонии. Глядя на долговую книгу, он предпочёл бы умереть на месте.

Но умирать было нельзя. Умри он — и Восточная палата, оставшись без головы, станет лёгкой добычей. Ведь сколько лет они сами кошмарили других, теперь и другие не преминут отомстить.

А главное — он боялся, что даже смерть не спасёт: взбешённый приёмный отец вскроет землю, выкопает его труп и будет стегать плетью. Мало того — отрежет и без того крохотный член, чтоб и в следующей жизни остался евнухом.

Жуть. Хэ Сы даже думать об этом не хотел.

Он осушил чашку чая, и бешено колотившееся сердце немного унялось. Поднял руку — и Чжао Цзинчжун вовремя подал маленький фарфоровый флакон.

Хэ Сы:

— ?

Чжао кратко пояснил:

— Пилюля защиты сердца.

На лбу у Хэ Сы забила жилка. Он выхватил флакон и, к ужасу Чжао, высыпал все пилюли в рот, без выражения проглотил, швырнул пустой сосуд и мрачно опёрся на подлокотник:

— Пригласи министра финансов.

Чжао Цзинчжун, видя, как молодой Наместник сохраняет хладнокровие в такой ситуации,

проникся к нему глубоким уважением и, поклонившись, вышел.

Проглотив целый флакон пилюль, Хэ Сы почувствовал, что сердце больше не режет так остро. Он поднял истрёпанную книгу, холодно взглянул на слова «занять денег у императорской гвардии» и швырнул её под стол — подпирать ножку.

Истрёпанная книга:

«...»

Как жестоко! Хочется разрыдаться!

Что ж, нравится ему или нет, но придётся забыть о гордости — своей и всей Восточной палаты — и униженно просить денег у заклятого врага, с которым они грызлись уже сто лет.

Вообще-то Хэ Сы не особо дорожил своей репутацией. По сравнению с тёмными делишками, которыми он промышлял, скитаясь по улицам, занять денег — сущий пустяк. Но теперь всё иначе. Он олицетворял Восточную палату, и каждый его шаг могли истолковать как угодно.

Он и впрямь боялся: попроси он денег у командующего императорской гвардии — и чиновники с богатым воображением сочинят драму вроде «Властный Наместник и очаровательный гвардеец». А уж приёмный отец, узнав, непременно примчится из деревни с мечом!

Хэ Сы швырнул бухгалтерскую книгу под другую ножку стола — с глаз долой. Как раз в этот момент министр финансов Юнь Цун вошёл вслед за Чжао Цзинчжуном.

Юнь Цун был старым лисом в правительстве, занимавшим пост министра финансов, и прожжённым мастером своего дела. Поэтому, даже встречаясь с Хэ Сы, он не корчил презрительную мину, как прочие «преданные» старцы, а с улыбкой, не теряя достоинства, поднял руку в приветствии:

— Господин Наместник, здравствуйте.

Едва завидев эту лисью морду, Хэ Сы почувствовал, как у него зашевелились волосы на затылке. Он забыл спросить у Чжао, сколько именно денег взял приёмный отец. Прикинув в уме, Хэ Сы решил, что ремонт зала да премии подчинённым — суммы крупной не потянут. Успокоившись немного, он слегка прочистил горло, сохраняя образ доброго и приветливого человека, и улыбнулся:

— Министр финансов, доброго здоровья. Будь у вас дело — просто пришлите за мной, зачем утруждать себя личным визитом?

Вежливые слова говорил, а с места не двинулся.

Министр Юнь, человек обходительный, не стал возражать, лишь вежливо улыбнулся:

— Господин Наместник только что вступил в должность, дел, видать, невпроворот. Вот я и решил сам навестить.

Его улыбка заставила Хэ Сы почувствовать себя неуверенно.

И впрямь, обменявшись любезностями, Юнь Цун перешёл к делу:

— Господин Наместник, вы заняты, буду краток. Не упоминал ли старый глава Палаты, что

прежде Восточная палата взяла из министерства финансов сумму, предназначенную для помощи пострадавшим в Цзянсу и Чжэцзяне? Нынче год выдался удачным, народ в благоденствии, сумма та не понадобилась — вот и осталась у вас на хранении.

Какие красивые слова! «На хранении»! Хэ Сы едва заметно дёрнулся уголком рта.

Юнь Цун, наблюдая за его лицом, не уловил ни малейшей перемены в выражении нового Наместника Восточной палаты. Немного подумав, он продолжил с улыбкой:

— Вчера императорская гвардия по указанию Внутреннего кабинета обратилась в наше министерство за деньгами. Тут-то я и вспомнил про ту сумму. Вот и осмелился прийти к вам, дабы вернуть её. Надеюсь, вы не в обиде.

Императорская гвардия? У Хэ Сы дёрнулся висок. Императорская гвардия, опять императорская гвардия! Да от них всюду!

Хэ Сы тоже улыбнулся — улыбкой искренней:

— Деньги сии из казны государственной, давно бы вернуть. Виноваты мои подчинённые — забыли, вовремя не возвратили.

Юнь Цун поспешно ответил:

— Что вы, что вы, не смею.

Хэ Сы, сохраняя спокойствие, спросил:

— Я тогда в палате ещё не служил, подробностей не ведаю. А сколько, говорите, взяли?

Юнь Цун поднял три пальца:

— Триста тысяч лян.

Сердце у Хэ Сы сжалось. Чёрт, где мои пилюли???

Пообещав вернуть деньги в срок и проводив Юнь Цуна, Хэ Сы долго сидел в комнате недвижимо.

Он размышлял: последовать ли примеру приёмного отца и сбежать, или всё-таки сбежать, или, может, сбежать?

Хэ Сы думал: как всё дошло до этого?

Он полагал, что взлетел на самый верх: из калеки-уличного жулика превратился в одного из самых могущественных людей Великой Янь. А оказалось — любимый приёмный отец его же и подставил!

Триста тысяч лян. Хэ Сы прикинул: не есть, не пить, и то с момента сотворения мира зарабатывать... и то не вернуть...

Сердце его погрузилось в пучину отчаяния, жизнь потеряла смысл, хотелось лишь умереть на месте.

Как говорится, беда не приходит одна. Вскоре после ухода Юнь Цуна Чжао Цзинчжун вошёл с

выражением лица, словно небо рухнуло, земля разверзлась, а Великая Янь пришла к концу.

<http://bllate.org/book/16284/1466923>